

Он бил фашистов оружием, ставшим прототипом боевого лазера

Сергей Александрович КИСЕЛЕВ живет в городе Пушкине уже более полувека. Он участник Великой Отечественной войны, награжден медалями «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», а также орденом Отечественной войны II степени. Воевал Сергей Александрович в ныне забытых прожекторных войсках. Участвовал в обороне Саратова, Люблина, Варшавы, в Зееловско-Берлинской операции. 21 июня ему исполняется 95 лет.

Хлеба не было, а мороженое было

«Мой дед, Александр Иванович Киселев, был купцом и похоронен в Александрово-Невской лавре. Отец — Александр Александрович, окончил Петровское коммерческое училище на Фонтанке, — начинает рассказ Сергей Александрович. — После революции родители справедливо решили, что в Петрограде оставаться опасно, и уехали в Псков. Там родился сначала я, а потом младший брат Михаил».

В Ленинград семья вернулась в 1928 году. Жили сначала на Охте, затем на проспекте Села Смоленского (сейчас — пр. Обуховской обороны). По словам Сергея Киселева, весь деревянный двухэтажный дом когда-то принадлежал роду Киселевых, и у семьи была отдельная квартира — большая редкость по тем временам.

«Я рос озорным, любил играть в казаков-разбойников и лапту, — говорит Сергей Александрович. — А больше нам, мальчишкам, после школы заняться было нечем — район был рабочим, особенно развитием детей никто не занимался».

А в 1935 году нам снова пришлось уехать из Ленинграда. Отцу так посоветовали: одна за другой шли волны репрессий, к тому же, один из соседей постоянно писал анонимки, видимо, завидуя отдельной жилплощади. После того, как отца несколько раз вызвали в Большой дом на Литейном проспекте, они с мамой решили переехать в Лугу. В 1940 году отец уехал под Гатчину, в Мариенбург. А мне надо было окончить школу, и мы остались в Луге. Там нас и застала война».

Сергей Киселев окончил 10 классов и написал заявление на поступление в Высшее военно-морское училище им. Дзержинского. Ожидая вызова, по путевке райкома комсомола устроился на местный абразивный завод. «Я там трудился дней десять, — вспоминает Киселев. — Лугу бомбили с первых дней, и абразивный завод, и хлебозавод вышли из строя одними из первых. Хлеба в городе не было уже с начала июля. Отца на фронт не взяли по состоянию здоровья. А маму, Александру Васильевну, отправили на строительство Лужского рубежа обороны. Младший Мишка оставался дома один, поэтому, когда моя работа на заводе закончилась, я отправился строить укрепления вместо мамы. Бомбили там нас страшно, кормили

плохо. Мы с трудом вернулись домой».

Но в Луге было не лучше. Магазины стояли брошенные, некоторые — вместе с товаром. Сергей Александрович до сих пор помнит, как они с приятелем объедались мороженым. Наконец, в середине июля пришел вызов из училища им. Дзержинского, и он уехал в Ленинград, а мама с младшим братом — к отцу в Мариенбург.

Оружие в 700 миллионов свечей

Стать моряком Сергею не довелось. Прямо во время прохождения медицинской комиссии прием в училище прекратили, и Сергей вместе с другими юношами был откомандирован в распоряжение Горвоенкомата.

«Первое время мы жили в бывших казармах Московского лейб-гвардии полка, где сегодня находится Военный институт физкультуры, — вспоминает Сергей Александрович. — Затем перевели в бывшие казармы лейб-гвардии Казачьего полка на Обводном канале, где базировался 2-й прожекторный полк, и нам, новобранцам, предложили поступить в Ленинградское артиллерийское техническое училище зенитной артиллерии им. П.И. Баранова, агитационный листок которого я видел еще в Луге, когда оканчивал школу».

Там в конце июля 1941 года Сергея нашел отец. Это была их последняя встреча. «Папа приезжал потом еще раз, но меня уже не застал. Нас отправили в лагерь в Красное Село. Там нас привлекли к поимке диверсантов, и мы учились обращаться с прожекторами, — поясняет Сергей Киселев. — Это было мощное вспомогательное оружие. Его начали использовать еще в Первую мировую войну».

В 1915 году в состав отдельной зенитной батареи, базирующейся в Царском Селе, были введены зенитные прожекторы на автомобильных шасси. А у нас были уже специально сконструированные машины, которые переключались то на подачу энергии на прожектор, то на мотор самой машины. Прожектор обладал мощностью в 700 миллионов свечей. Еще были специальные звукоулавливатели, кроме того, нас учили на слух определять модель самолета»...

Только после войны Сергей Александрович узнал, что вся его семья погибла в блокадном Ленинграде. Родители и брат вернулись в город перед самой блокадой. Отец устроился в отдел коммунального хозяйства Октябрьского района. Мама найти работу не смогла. Семья не пережила уже первую блокадную зиму: отец скончался в ноябре, мама в декабре 1941 года, брат умер в январе 1942-го.

Но ничего этого Сергей Александрович не знал. В августе 1941 года училище эвакуировали в Томск. «Ни одному из ленинградских курсантов никто и никогда не говорил про то, что в Ленинграде голодают и город находится в блокаде», — рассказывает Сергей Киселев.

Невские пороги. На фото слева направо: отец Александр Александрович, Сергей Киселев, тетя Зинаида, мать Александра Васильевна, младший брат Михаил. 1928—1929 гг.

Битва на Одере

В ноябре 1942 года после окончания училища Сергея Киселева отправили в Саратово-Балашовский дивизионный район ПВО — прифронтовую полосу Сталинградского фронта. До середины 1944 года Киселев провёл на Волге, оборонял Саратов. А летом его полк перебросили на оборону польского города Люблина.

«Пока мы находились в Польше, я успел побывать в Майданеке сразу же после его освобождения, — продолжает Сергей Александрович. — Это потом там сделали музей, а я видел то, что осталось после того, как оттуда выбили фашистов: чаны с пеплом, которым немцы удобряли огорды, горы обуви, волос. В этом лагере смерти только русских погибло около 70 тысяч».

Потом его полк перевели на оборону Варшавы и уже оттуда в апреле 1945 года отправили на Одер. «Командарм Жуков решил применить в операции под Берлином прожекторы, — поясняет Сергей Киселев. — Он собрал всех командующих 1-м Белорусским фронтом, продемонстрировал им возможности боевых прожекторов и каждого спросил, стоит ли их использовать. В результате было решено собрать 150 прожекторов».

Весь наш 43-й полк сняли с Варшавы. Мы должны были своим ходом преодолеть 650 километров. Помню, уже почти на границе с Германией, мы остановились на ночевку, и там, на лесной опушке, я увидел растянутый плакат: «Фашистское логово».

«На самом плацдарме нас расставили так, чтобы покрыть 27 километров линии фронта, — продолжает Сергей Александрович. — Взвод состоял из 4 прожекторов, на каждый — расчет из 5—6 человек. Расстояние от одного до другого расчета составляло не менее 150—200 метров».

Перед ними были Зееловские высоты, за которыми находился Берлин, позади — Одер. «Нам требовались специальные окопы, — вспоминает Сергей Киселев. — А у нас в полку процентов 80 составляли женщины. Их даже пытались заменить мужчинами, но ведь их надо было учить. К тому же, наши девушки устроили форменный бунт, заявив, что куда не уйдут. Словом, их всех оставили на своих местах. Окопы нам рыла пехота, и солдаты всё удивлялись их необычной форме».

«15 апреля перед атакой нас стали расставлять по местам, одна машина наехала на мину и вышла из строя, — продолжает Сергей Александрович. — Разбираться было некогда. Через несколько часов началась артподготовка. Позади нас стояло примерно 5—6 «катюш», и они стреляли так, что ни говорить, ни что-либо слышать было невозможно. А через полчаса в бой вступили прожекторы. Светили полчаса или чуть больше. Но этого хватило, чтобы немцы в своих донесениях писали приблизительно следующее: «Со стороны русских артиллерийский гром и сильный свет, что это такое не определили, возможно,

химия». А пленные немцы рассказывали, что после атаки прожекторов теряли зрение примерно на полтора часа».

Только когда в наступление пошли танки и пехота, Сергей Киселев обнаружил что не одна, а все его машины с прожекторами стоят на минном поле. Ему самому и всему личному девичьему составу, включая санинструктора, пришлось собственноручно разминировать участки, чтобы вызвать машины. К счастью, мины оказались самой простой конструкции, а технологию их разминирования им показал майор, командир одной из «катюш».

Тридцать лет в строю

Войска 1-го Белорусского фронта пошли дальше, на Берлин, а полк Киселева вернулся на свои позиции в Варшаву. В сентябре 1945 года его подразделение перевели в Минск. Оттуда Сергей Киселев отправился служить в Ригу, и только в конце 1946 года он получил назначение в Ленинград, во 2-й прожекторный полк. В 1954 году он окончил курсы усовершенствования при Военной инженерной радиотехнической академии имени Маршала Советского Союза Л.А. Говорова в Харькове. Через шесть лет — Военную командную академию противовоздушной обороны в Калининске.

Карелия, май 1954 г.

После этого 10 лет служил в Архангельске в 8-м Полярном радиотехническом полку, где к тому времени на смену прожекторам пришли локаторы.

В 1970 году Сергей Александрович вышел в отставку. «Остаться в Ленинграде было не так просто, — вспоминает Сергей Александрович. — Надо было еще доказать свое право на это. К счастью, мой дядя работал в пушкинском «Водоканале». А сам город Пушкин не входил в границы Ленинграда, но и областью не считался. Мне удалось собрать все документы и получить разрешение на прописку от комиссии Пушкинского горисполкома».

Примерно полгода Сергей Киселев проработал в отделе учета и распределения жилплощади, а в начале 1971 года ему выделили квартиру на Детскосельском бульваре. Как только он обустроился, то сразу нашел работу по специальности в КБ «Связьморпроект», где прослужил 18 лет.

Выйдя на заслуженный отдых, Сергей Александрович занялся историей прожекторных войск, в 2005 году он с сослуживцем издал книгу «Прожекторные войска. Создание, развитие и участие в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. и героической обороне Ленинграда».

Сегодня Сергей Александрович Киселев по-прежнему отличается военной выправкой — армейский китель сидит на нем как влитой.

21 июня Сергею Александровичу Киселеву исполняется 95 лет. Мы от всей души поздравляем ветерана, желаем ему здоровья и благодарим за Победу.